

Изменение отношения человека к смерти как компонент современной духовной культуры

Комаров Сергей Владимирович¹, Поросенков Сергей Владимирович²

¹доктор философских наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

²доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-2331-8276.

E-mail: svp53@mail.ru

Аннотация. Формирование отношения человека к смерти всегда было существенным компонентом духовной культуры. Цель статьи – выявить особенности отношения человека к смерти в современной духовной культуре. Смерть как антропологическая проблема ставится в рамках философии, культурологии, теологии, психологии, медицины и других направлений познания. Религиозные, моральные и эстетические символы сопряженности жизни и смерти определяли рациональное выражение учений религии и философии с самого их основания. Но именно начиная с Нового времени в духовной культуре происходит процесс «исключения» смерти из воспитания и общения человека, теряется ее символика и традиционные смыслы. В философии это сопровождается не просто изменением отношения к смерти, но констатируется ее «непристойность», и смерть «изолируется» из жизни человека. В связи с этим возникает ориентация на научные, технологические средства неограниченного продления жизни и цифровое бессмертие. В отличие от философии в религии изменение отношения человека к смерти связано не только с индивидуальным самоопределением человека и его отношением к собственной конечности, но и с переосмыслением всех религиозных мифов. При этом чем более четко объяснен экзистенциальный смысл личного бессмертия, тем более утрачен символизм самого религиозного предания (Р. Бульман). Эти изменения в отношении к смерти в современной ситуации ставят перед научными исследованиями новые гносеологические и методологические проблемы, а именно: отсутствие четкого категориального языка описания и понимания смерти, упразднение старой религиозной символики и философского понимания ведет к тому, что сам этот феномен смерти в современной культуре оказывается «не определяемым» как в социологическом, так и в гносеологическом смыслах. И это порождает сложные методологические проблемы.

Ключевые слова: человек, смерть, духовная культура, символ, смысл, религия, образование, методологические проблемы.

Исследование отношения человека к смерти актуально в теоретическом плане для философского осмысления современного этапа эволюции духовной культуры, а также в связи с этим осмыслением, для познания специфических особенностей современного человека. Тема актуальна и в социально-практическом плане для решения проблем хосписного движения, биоэтических проблем, особенно проблемы эвтаназии, исследования проблемы роста самоубийств.

Актуальна эта тема и в методологическом отношении, так как знание особенностей отношения человека к смерти значимо для исследований человека, современной духовной культуры социологией, культурологией, психологией, религиоведением, юридическими науками.

Процедура настоящего исследования включала первоначальный сбор данных об особенностях отношения современного человека к смерти, выявленных в разнородных, а в некоторой части несоизмеримых по использованию понятийного аппарата направлений человеческого познания. Затем, используя метод сравнения, а также категориальный аппарат философии, была произведена экспликация существенных признаков нового отношения человека к смерти. При этом гипотетической предпосылкой исследования было предположение о том,

что сами исследователи включены как эмпирические индивиды в процесс формирования нового отношения к смерти.

Смерть как многогранная антропологическая проблема содержит философские, теологические, научные, медицинские, психологические, культурологические, юридические и многие другие аспекты как самой постановки, так и форм ее разрешения. Отношение к смерти характеризует всю историю человеческих обществ и выступает в них как компонент воспитания, неотъемлемая сторона процессов самоидентификации, область формирования религиозной, социальной, эстетической символики. В биологическом и медицинском смыслах смерть как окончание, отрицание, прекращение жизни человека есть исходный феномен нашей природы. В социальном и экзистенциальном смыслах смерть как феномен изначальной конечности человека определяет все формы его социального поведения и культурной символики в любой исторический период, от первобытности до современности. С философской и религиозной точек зрения смерть выступает как абсолютный феномен бытия вследствие ее изначальной связи с проблемами смысла жизни вообще.

Однако само отношение к смерти, безусловно, имеет исторический характер. Как изменилось отношение человека к смерти за последние столетия? Философы, культурологи, теологи, психологи, медики, социологи в работах, посвященных отношению человека к смерти, выделяют общую тенденцию нашего времени – тенденцию игнорирования смерти, ее неприятия, вообще неэтичности общения по поводу смерти, отрицания всей религиозной, моральной, эстетической, социальной символики, связанной с этой проблемой. Конечно, эти изменения на философском, теологическом и научном уровнях фиксируются преимущественно на основе изучения этой проблемы в обществах европейской культуры, обществах, где доминирует христианство. Но, учитывая процессы глобализации в объективном смысле этого понятия, то есть без идеологических и политических коллизий, с этим понятием связанных, можно с уверенностью экстраполировать характеристики изменения отношения человека к смерти на другие общества, где в большей или меньшей степени такие изменения, по существу, также происходят.

Задача данной статьи – определить признаки изменения отношения человека к смерти не как симптома современной ситуации, а как компонента современной духовной культуры. Иначе говоря, задача не в том, чтобы констатировать содержание таких изменений, а в том, чтобы определить, какую роль играют изменения отношения к смерти в самовосприятии и существовании человека – преимущественно в философском и религиозном аспектах; а также выявить, какие новые методологические и гносеологические проблемы возникают перед научными исследованиями отношения человека к смерти как компонента духовной культуры.

Литература по проблеме изменения отношения современного человека к смерти разнообразна, и разработка этой темы представлена в ряде аспектов.

В культурологическом аспекте (работы Ф. Ариеса, М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, В. М. Розина) исследован процесс отрицания символики смерти, исчезновения у современного человека смыслов духовной культуры, связанных со смертью, показана деградация похоронной обрядности. В психологическом аспекте (З. Фрейд, К. Юнг, С. Грофф, Дж. Хэлифакс) исследована динамика психических процессов, сопровождающих отношение к смерти, страх смерти, готовность человека к смерти.

В педагогическом аспекте (работы А. А. Остапенко, К. Н. Романова, Е. А. Ямбурга) ставится в теоретическом плане проблема воспитания у детей восприятия смерти, но показано отрицательное отношение педагогов и родителей к практическому решению этой проблемы, а также констатировано полное игнорирование в светской системе образования формирования культуры отношения человека к смерти.

В теологическом аспекте проблема изменения отношения человека к смерти развернуто представлена у западных протестантских теологов (К. Барт, Р. Бультман, П. Тиллих). Теологи озабочены утратой трансцендентного мира для современного человека, потерей смысла бытия, сопряженной с отрицанием смысла смерти. В отечественной литературе христианское понимание смысла смерти в различных вариантах представлено у С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина, И. И. Евлампиева.

Несмотря на различия понимания смысла смерти у отечественных христианских мыслителей, они рассматривают смерть как переход от одного этапа вечной жизни к следующему этапу. М. И. Ненашев, сравнивая трактовку смерти и воскресения И. И. Евлампиевым, С. Н. Булгаковым, показывает, что смысл смерти эти философы выявляют именно в отношении к вечности [16, с. 169].

Обширна философская литература по рассматриваемой проблематике. В аспекте разработки изменения отношения современного человека к смерти особое значение имеют работы Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, А. В. Демичева, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера. Рассматривая итоги этих исследований, А. В. Демичев делает вывод: «Если на протяжении долгих столетий смерть осмыслялась в сознании и культуре как “другая жизнь”, то, начиная с Нового времени, проблема личного бессмертия или перспектива утраты личностной идентичности встала перед ужаснувшимся человечеством в своем полном объеме и устрашающем весе» [10, с. 5]. Эта тенденция изменения отношения человека к смерти особенно интенсифицируется в современности: «...в современной культуре человек еще более удален от смерти. Разумеется, не в смысле бессмертия, а в смысле потери культуры восприятия смерти как достойного, наполненного ценностью прижизненного события... Смерть в обыденном повседневном понимании сегодня – непредвиденная авария на пути в будущее» [10, с. 22]. С чем это связано?

Нужно отметить, что смерть как отдельно случившееся событие в мире, событие, которое происходит наряду с другими природными, социальными событиями, воспринимается и понимается таким образом современным человеком в связи с определенной формой самоидентификации. В европейской, а теперь и в глобальной традиции человек нашего времени переживает множественность собственной идентичности: «я» – тело, «я» – лексический субъект общения, «я» – такая-то социальная роль, «я» – мужчина или «я» – женщина и т. д. Но, так или иначе, «я» всегда индивидуальный субъект; и моя смерть это отдельное и для меня – фундаментальное – событие. Простое отношение к смерти как отношению к продолжению жизни по ту сторону как со-бытию (тождеству и единству) со всем существующим исчезает не только в сфере духовных сущностей [12, с. 68].

В прошлом переживание и осознание себя человеком, в котором течет кровь предков и который продолжает себя в преемственности рода, преемственности потомства, обуславливало самоидентификацию и самопонимание особой плотской связности с этнической, религиозной и иной формой общности людей. Но как, например, показывает М. М. Бахтин, к XVII веку в европейской культуре появляется образ тела, соответствующий обособлению индивида, а в отношении к этому телу «смерть, здесь – только смерть, она никогда не совпадает с рождением, старость оторвана от юности» [5, с. 78]. Такая разделенность социального тела (рода) на особенные – «индивидуальные» (от divide (лат.) – разделять) существования означает одновременно сведенность бытия человека к бытию его тела в процессе жизни. Это представление становится онтическим образом ее конечности и конечности человека. А это, в свою очередь, означает, что жизнь как конечное существование определяется теперь через феномен смерти путем негативного отношения к ней. К концу XX века этот образ конечности стал доминировать в самом понимании человека, по крайней мере, в обществах с европейской культурой и близких к ней. В конечном счете это отразилось и в философствовании. Не будет натяжкой сказать, что постмодернистское философствование из так понятой конечности бытия человека стало «умервлять» культуру, метафизику, всю совокупность идей, определявших понимание людьми себя и мира в течение многих прошедших веков.

«Отрицание смерти в форме “будто ее нет”, “не должно быть”, “смерть как нелепая случайность, а не необходимость” становится нормой представления и мышления современного человека, тогда как представление и мышление об органически необходимом присутствии смерти уходят на периферию сознания и попытки их актуализации оценивают в нравственно-психологическом плане все более негативно» [20, с. 236–237]. Этот процесс механического отрицания смерти, соединенный с стремлением быть здесь и сейчас, неустранимо живет в общем потоке общей жизни, оказывается таким стремлением быть, которое неумолимо исключает собственную уникальность (отдельный индивид – это не уникальность), так как отрицаемая смерть – это чуждая случайность, не моя, а чья-то случайность. Такое отношение к смерти содержит в себе стремление быть ограниченной живой вещью, выделяющей себя по ограничивающим ее признакам, включая отмеренность отрезка времени во всеобщей линии длительности всех процессов.

Как в философском подходе к анализу изменения отношения человека к смерти, так и в культурологическом исследовании этого процесса выявляется отрицание смерти, но это отрицание выступает в форме исчезновения символики смысла смерти, обрядов и иных символических действий, связанных со смертью. Так, например, еще в давно проведенном культурологическом анализе смерти у Ф. Ариеса констатируется следующее: «Как бы ни было сильно горе человека, потерявшего кого-либо из близких, почти на всем Западе сегодня является

общим правилом, что он не должен демонстрировать это публично. Иными словами, от современного человека требуется как раз противоположное тому, чего от него ждали прежде. После 1970 года меньше чем за десятилетие во Франции перестало быть привычным вставать после отпевания в длинную очередь, чтобы выразить соболезнования семье покойного» [3, с. 473]. Исчезновение символических действий или все более формальное соблюдение таких действий, если все же такие действия продолжают совершаться в отношении умерших и их памяти, – это внешние проявления в современной культуре сущностных изменений отношения человека к смерти.

С точки зрения Ф. Ариеса, «вполне очевидно, что отказ от траура вызван не легкомыслием или безразличием близких усопшего, но неумолимым давлением общества. Со стороны общества это способ устранить присутствие смерти в жизни, даже если в принципе реальность смерти не оспаривается. Впервые отрицание смерти, отклонение ее проявления столь открыто. Такое отношение к смерти становится отныне значимым признаком нашей культуры. Слезы траура уподобляются выделениям плоти, сопутствующим тяжелой болезни. То и другое внушает отвращение, общество исключает, изгоняет смерть» [3, с. 475].

Схожие с Ф. Ариесом констатации изменения отношения человека к смерти фиксируются в более новом исследовании Ж. Бодрийяра. Он также указывает на механистичность отрицания смерти современным человеком, стремление утилизировать смерть, удалить ее как нечто отвратительное. «Смерть непристойна и неудобна. Смерть больше не вызывает головокращения – она упразднена» [6, с. 318]. Ж. Бодрийяр показывает в связи с этим ярко выраженное стремление изолировать человека от его собственной смерти посредством использования лекарств, технологий, психоаналитического воздействия, определенных нравственных правил общения с умирающим человеком, когда возможным и приемлемым, например, считается скрыть смертельный диагноз.

В связи с этим наряду с философским и культурологическим исследованием проблемы изменения отношения человека к смерти схожие изменения фиксируются в работах медиков и психологов. Так, С. Грофф и Дж. Хэлифакс, исследовавшие процесс умирания и специфику состояний умирающих, дают следующую обобщенную оценку: «В западной культуре произошел сдвиг к полному отрицанию и пренебрежению всем, что относится к смерти» [8, с. 246]. Поскольку, как правило, современный человек в воспитании, процессе социализации в целом, в формах общения был, по существу, изолирован в самопонимании от какого-либо смысла собственной смерти, процесс умирания сопровождается крайне тяжелыми психологическими переживаниями. В отличие от этого в прежние времена, как констатировал еще Ф. Арьес, человек более спокойно относился к встрече со смертью [3, с. 146–148].

Воспитывать ли у детей культуру отношения к смерти? Есть ли в системе светского образования какие-либо программы, методы, ориентирующие субъектов образовательной деятельности на формирование определенного восприятия и понимания учащимися феномена смерти? В теоретическом плане можно найти обоснованные ответы некоторых теоретиков педагогики на эти вопросы. Так, А. А. Останенко пишет: «С высокой долей вероятности мы утверждаем, что эмоциональное со-переживание (совмещенное переживание со старшими) чувства остроты горя утраты обогащает душу ребенка или подростка опытом обретения потери, делающим его взрослее и ответственнее, что позволяет в будущем взрослом состоянии подобные утраты переживать сдержаннее, уравновешеннее и торжественнее» [18, с. 200]. В этом же ключе теоретически эта проблема рассматривается в работах Е. А. Ямбурга [27, с. 200], К. М. Романова [22, с. 166]. Но эти же авторы приводят впечатляющие конкретные примеры отрицания на практике родителями, работниками системы образования самой возможности прощания с умершими учителями, одноклассниками.

В связи с этим отметим, что один из авторов настоящей статьи несколько лет участвовал в форумах учителей-новаторов Пермского края, обсуждая в своих выступлениях качественные изменения современного человека. И единственное, против чего были организаторы этих мероприятий, – это обсуждение изменения отношения современного человека к смерти. Это «неуместно», «некорректно», противоречит педагогике жизнеутверждения, творчества, успеха и т. д. Да, несмотря на плюрализм педагогических школ, то отрицательное отношение к смерти, смыслу, символике смерти, которое характерно для современного человека, воспроизводится в воспитательной и образовательной деятельности. Как отмечает К. Н. Романов, «духовная и психологическая неготовность людей к смерти составляет очень серьезную социальную проблему... Надо сказать, что современная система образования весь-

ма далека от решения данного вопроса. <...> Главные институты социализации ребенка ведут себя так, как если бы смерти и не существовало» [22, с. 166–167].

Изменение отношения человека к смерти особо значимо для такой области духовной культуры, как религия. Эволюция религии – сложный, многогранный процесс, который изучается на теоретическом уровне социальной философией, философией религии, религиоведением, но также интересует саму теологию, так как для теологов достаточно понятны глубокие изменения религии, особенно в связи с развивающимся всеобщим процессом секуляризации. В нашем контексте важно, что этот процесс эволюции религиозных представлений и процесс секуляризации в качестве существенного компонента в себе содержит изменение отношения к смерти. В связи с этим можно привести слова известного немецко-американского теолога П. Тиллиха: «В эпоху раннего индустриального общества смерть и вина исчезает даже из проповеди» [23, с. 267].

Особый аспект изучения эволюции религии в современных условиях образуют исследования, где определяется значение тех или иных социальных, технологических, научных, культурных и иных факторов, воздействующих на изменение и трансформацию религии в целом, а также ее отдельных областей или тенденций [13, с. 85]. Именно в этом аспекте значим процесс изменения отношения человека к смерти.

Проблема отношения человека к смерти, а вместе с тем и определенное мировоззренческое и экзистенциальное решение этой проблемы лично для каждого человека и человечества в целом отражены во всем многообразии религии, от ее первобытных форм до современных догматических систем и философских сложных теологических концепций. Поэтому фиксация изменения отношения человека к смерти, осуществляемая средствами философии, психологии, культурологии, медицины, социологии, – это методологически и теоретически значимые индикаторы для всех компонентов эволюции религии.

В традиционном религиозном отношении к смерти символика идей бессмертия души, воскресения из мертвых, загробного существования сохраняется для тех, кто преимущественно воспроизводит эти идеи в своем воспитании, общении, институционально сформированных действиях, ориентации на соответствующие символы. В цикле авраамических религий при всем различии догматов иудаизма, христианства и ислама идея бессмертия души, возможность посмертного существования определяет отношение к смерти. Так, 4-й и 11-й догматы символа веры православия однозначно ориентируют верующего принимать свершившееся воскресение Христа и возможность воскресения мертвых. В восточных религиях смерть фактически рассматривается как определенное превращение и сторона самой жизни. Вот характерные выражения такого отношения к смерти, которое описывает Лама Говинда в предисловии к «Тибетской книге мертвых»: «Нет ни одного человека, ни одного живого существа, кто бы не вернулся после смерти. Прежде, чем мы оказались здесь, мы умирали много раз, и то, что мы называем рождением, это просто обратная сторона смерти, как одна из двух сторон монеты или как дверь, которую, находясь снаружи, мы называем входом, а находясь в комнате – выходом» [25, с. 44]. И далее: «Рождение и смерть в течение одной человеческой жизни не случается единожды, а происходит непрерывно. Каждое мгновение что-то внутри нас умирает и что-то рождается» [25, с. 51].

Таким образом, какими бы ни были глубокими отличия трактовки смысла смерти в различных религиях, их символы указывают на посмертное существование. Более того, понимание смерти как абсолютного исчезновения, абсолютного ничто в них осуждается. Так, Ж. Маритен, полемизируя с М. Хайдеггером и атеистическим экзистенциализмом, полагает, что эта линия философии «позволяет охарактеризовать ее как очень разработанную метафизику условий существования человека, когда тот соглашается по своей доброй воле с ничто, из которого он появляется, присутствует в нем самом при уничтожении бытия ничто, принимает последнее и делает выбор в пользу зла, поскольку предпочитает его, с тем чтобы не быть первопричиной (уничтожающей) при осуществлении собственной свободы» [15, с. 251].

Однако следует специально констатировать, что в современных условиях отрицание смерти и символики ее смысла, не говоря уже об отрицании идеи воскресения и посмертного существования, это уже не исключение или философское «допущение», а явная *массовая* тенденция эволюции духовной культуры, непосредственно затрагивающая суть основных компонентов любой религии. Как реагируют теологии на проявление этой тенденции?

В рамках христианства эта тенденция обсуждается экзистенциально мыслящими теологами, а среди них наиболее значимые концепции разработаны П. Тиллихом, К. Бартом,

Э. Жильсоном, Ж. Маритеном. Но особенным примером здесь является концепция демифологизации новозаветного провозвестия Р. Бультмана, вызвавшая в XX столетии оживленные дискуссии и стимулировавшая теологические размышления в рамках поднятых проблем. В этой сложной концепции можно отметить аспект проблемы изменения отношения современного человека к смерти. Р. Бультман исходил из того, что необходимо сохранить экзистенциальное ядро первовести (керигмы) Христа, освободив ее от мифологического языка, мифологических образов. Он признает, что современному человеку чуждо представление о том, что две тысячи лет назад покойник воскрес из мертвых. Но, ставит вопрос религиозный мыслитель, как понять воскресение из мертвых современному человеку, явно или опосредованно принимающему современную научную картину мира, исходящему из субъект-объектной трактовки принципа теизма, не признающему символику смерти, выработанную многие столетия назад?

Программа демифологизации подразумевает критическую интерпретацию новозаветной мифологии прежде всего через обнаружение в мифе тенденции истолковывать немирское, божественное экзистенциально-непредметное содержание в форме наглядных образов. Тот же Р. Бультман критикует понимание трансцендентности бога как его пространственной удаленности, то есть его существования где-то на небесах, или воскресение Христа к вечной жизни как исторический наглядный факт ожившего покойника. Немирское, божественное, трансцендентное в мифологии предстает как мирское, человеческое, потустороннее. Этот аспект демифологизации Р. Бультман развивает в своих работах по отношению к десяткам мифологических сюжетов Нового Завета.

Другой аспект программы демифологизации связан с тем, что мифологические высказывания в Новом Завете допускают объективирующую, общезначимую интерпретацию. То, что должно быть понято экзистенциально, то есть только исключительно в аспекте понимания собственного уникального существования того человека, который совершает акт усвоения новозаветных идей как самопонимание, мифологическая речь изображает в форме объективированных образов и понятий. События жизни Христа, то есть чудесное рождение, проповеди, смерть на кресте, чудесное воскресение, выраженные мифологически, то есть сообразно наглядным и понятийным схемам восприятия и понимания людьми этих событий как внешних познающему субъекту событий, у сегодняшнего человека формируют отчужденный от его существования и самопонимания образ когда-то чего-то произошедшего, не касающегося сегодняшнего человеческого существования.

На конкретный объем демифологизации отчасти указывает сравнение книг Нового Завета между собой. Например, Иоанну и Павлу неизвестны легенды о непорочном зачатии и вознесении Иисуса на небо. Анализируя экзистенциальный смысл символов креста и воскресения, Р. Бультман критикует мифологическую идею о воскресении как удостоверяющем чуде. Рассматривая критерий экзистенциального смысла как фундаментальный, первичный и исходный принцип демифологизации, он вместе с тем показывает и ту часть новозаветного текста, которая недостоверна для современного человека и религиоведением признана исторически поздними легендами. Вот его характерное высказывание: «Конечно, нельзя отрицать, что в Новом Завете воскресение Иисуса неоднократно представляется именно как такое удостоверяющее чудо: когда говорится о том, что Бог воскресением Христа из мертвых удостоверял его притязания (Деян., 17:31); в легендах о пустой гробнице и в пасхальных повествованиях, сообщающих о демонстрации телесности воскресшего (Лук., 24:39/43). Но все это, несомненно, позднейшие легенды, Павлу еще не известные» [7, с. 36]. Р. Бультман стремится показать, что воскресение умершего к земной жизни невероятно, но именно это представление о воскресении навязывает мифологическая речь Нового Завета современному человеку. Действительный смысл воскресения заключен в обретении подлинного существования человеком, совершающим акт веры как акт экзистенциального самопонимания. Экзистенциально понимаемое воскресение Христа – это эсхатологическое событие, и каждый христианин, решивший быть в вере, то есть обретающий решимость быть перед лицом неминуемой смерти, которая переживается как соумирание с Христом, воскресает посредством этой веры, становясь тем, что он уже есть в вечности.

С внутрихристианской точки зрения в этой идее немецкий теолог не открывает ничего нового. На внепредметный, чисто бытийный или экзистенциальный смысл идеи воскресения указывает уже Ориген: «...бессмертный не Тот, Кто умер, а Тот, который восстал из мертвых. И коль скоро мертвый не есть бессмертный, то тогда, конечно, и Иисус,

соединивший в Себе две природы, не был бессмертным до своей смерти, потому что и Он намеревался умереть. Вообще никто не бессмертен, раз он должен умереть; но бессмертен тот, кто не будет пребывать мертвым. Христос, воскреснув из мертвых, уже более не умирает: смерть не имеет над Ним власти, хотя этого последнего не желают допустить те, которые не могут понять, в каком именно смысле сказаны эти слова» [17, с. 127]. Новое, что привносит Р. Бультман в трактовку воскресения, заключено в том, что он удерживает различие самопонимания людей времени создания книг Нового Завета и самопонимания современного человека. Он призывает теологов, священников и любых проповедников быть абсолютно ясными и честными как перед самими собой, так и перед прихожанами, общиной, а это означает, что нужно исходить из экзистенциальной сущности религии, собственного экзистенциального самопонимания и обращения к уникальному смыслу человеческого существования тех, кого теолог или проповедник обращают через христианские символы к пониманию собственного существования.

В разработке проблематики керигмы, веры как экзистенциального самопонимания и программы демифологизации текстов Нового Завета Р. Бультман создает концепцию религии, решающую герменевтическую проблему кризиса понимания смысла смерти современным человеком. Уникальное сочетание экзистенциального теолога и научного исследователя истории раннего христианства, новозаветных текстов, реализовавшееся в творчестве этого мыслителя, дает пример сложной философской защиты христианского вероучения – в том числе в преодолении страха смерти перед лицом глубокого общего кризиса религии и культуры в целом, наступившего в XX веке.

Парадоксальность значения ответа экзистенциально мыслящих теологов на проблему изменения отношения современного человека к смерти состоит в том, что чем более четко будет объяснен эсхатологический смысл воскресения Христа и экзистенциальный смысл личного бессмертия, тем более будет утрачен символизм, процесс богоявленного экзистенциального самопонимания и т. д. Рациональное объяснение обгоняет здесь экзистенциальное самоопределение того, к кому обращено это объяснение. Иначе говоря, это констатация того, что именно внутреннее самоотчуждение остается преградой в субъективном усвоении через собственное самопонимание тотального смысла смерти и символов бессмертия. И наоборот, именно обращение к экзистенциальному содержанию религии как духовному явлению культуры является преодолением этого рационального самоотчуждения человека.

Эти изменения в отношении к смерти в современной ситуации, которые констатирует философия религии, приводит к эволюции традиционные религиозных взглядов. С этой точки зрения наиболее важной особенностью современной культурной ситуации является тенденция ликвидации символов культуры, включая символ религии и символику смерти. По сути дела, это изменения не только *места* и *роли* смерти в жизни человека, но изменения самой возможности *понимания* этого отношения. Речь идет о том, что осмысление этих изменений связано с новыми гносеологическими и методологическими проблемами в исследовании феномена смерти. Дело в том, что сами эти проблемы являются не только симптомом нового отношения к смерти, но и условиями адекватного понимания. Смерть как компонент именно современной духовной культуры требует другого к ней отношения как предмету именно *научного* исследования.

Во-первых, речь прежде всего идет об отсутствии *четкого категориального (понятийного) языка* при описании этого компонента духовной культуры современного общества. Проблема в том, что диалог культур, ставший с возникновением Интернета массовым повседневным явлением, ведет к тому, что символы одной культуры, попадая в смысловое поле интерпретации и объяснения другой культуры, во-первых, теряют свой всеобъемлющий тотальный смысл, превращаясь в набор объясненных в понятиях значений, во-вторых, интерпретация и объяснение не обращены к самопониманию, экзистенциальным переживаниям сопричастности к смыслу символов, так как гносеологическая и ценностная позиция человека удерживает самопонимание «во вне» воспринимаемой информации. Поэтому воскресение Христа или реинкарнация в восточных религиях превращаются в некоторую факто-теоретическую модель «знания о», не затрагивающую самопонимание человека. К этому следует добавить, в-третьих, наличие такой общей тенденции современной культуры, как реинтерпретация символов и знаков. Особенности самой реинтерпретации изучены в работах Э. Кассирера, П. Тиллиха, П. Рикера, К. А. Свасьяна. В связи с этой логикой отметим вывод М. К. Мамарда-

швили и А. М. Пятигорского о том, что «чем древнее культура, тем сильнее в ней ограничение использования символов от использования собственно знаковых систем» [14, с. 183].

Во-вторых, множественность интерпретаций феномена смерти ведет к тому, что само отношение человека к смерти в современной культуре оказывается «неуловимым» в строго научном плане. Этот плюрализм отношения к смерти порождается не только отсутствием однозначного аналитического языка ее описания, но во многом благодаря *новой символике* и *новым тенденциям религиозности* современного человека в связи с развитием всемирной сети Интернет. Так, развитие цифровых технологий в современном обществе создает условия, когда те, кто относится религиоведами к внеконфессиональной религиозности, колеблющиеся или определяющие себя как *интеисты* [24, с. 47], получают возможность экзистенциального самоопределения через символику цифрового бессмертия. Нет сомнения, что «мой аватар» в нейросети будет успешно проходить тест Тьюринга и для все большего числа религиозно не определившихся относительно традиционных религий их цифровой двойник станет восприниматься и пониматься как реально осуществляемое цифровое бессмертие. В этих условиях само «предметное» содержание феномена смерти оказывается принципиально отличным от его переживаний в философии или традиционной религии. Новые тенденции отношения к смерти, обнаруживающиеся в исследованиях философской танатологии, культурологии, психологии и социологии, свидетельствуют о трансформации религиозности по признаку экзистенциальной веры в посмертное существование. При этом рациональное объяснение бытия «цифровой личности» или «цифрового сознания» как реализации математических программ в технических устройствах будет подчинено воздействию чувственно-воспринимаемой достоверности, проявлений «своего сознания» в экранной версии. При этом рациональные объяснения будут осуществляться на пути отождествления работы мозга и технических устройств. Такое отношение к смерти порождает новые гносеологические проблемы для философии, культурологии и даже религии (богословия).

Наконец, в-третьих, отсутствие одного-единственного языка описания и плюрализм (множественность форм) самого феномена отношения к смерти порождают новые *методологические проблемы*, а именно: теоретическая «размытость» предмета при *социологических исследованиях* феномена смерти как компонента современной культуры приводит к трудности интерпретации эмпирических данных, по которым можно строго судить об отношении к этому феномену и его изменении. Так, например, результаты одного из региональных социологических исследований религиозности населения в нулевые годы, после состоявшегося «религиозного ренессанса» в России, показали следующую картину: «Только около трети религиозных жителей Прикамья уверены в существовании Бога (в этом мусульмане заметно интенсивнее православных). Лишь около 6,5 % религиозных граждан убеждены в реальности чудес, и только 3,3 % допускают существование загробной жизни. В наличии рая и ада убеждены 1,8 %, в возможность воскресения мертвых – менее 1% религиозных граждан» [19, с. 185].

Проблема заключается в том, что такие данные не позволяют судить о процессах в современном религиозном сознании, отражающих отношение человека к смерти. Вот мнения самих социологов религии: «Главный недостаток современных исследований состояния религиозности в России, в том числе в Дагестане, заключается в их крайней эмпиричности. Этим исследованиям требуется основательная теоретическая база» [1, с. 17]. «В настоящее время, когда измерением уровня религиозности страны заняты ведущие социологические службы страны, безусловно повышается технический и методический уровень измерения. При всем этом не удалось преодолеть отсутствие методической рефлексии при подходе к предмету, что по-прежнему не позволяет составить объективную картину религиозности страны» [10, с. 108]. Следует отметить, что обсуждение в России возможности развития «православного религиоведения», которое в силу известных политических обстоятельств, скорее всего, быстро станет доминировать в отечественном религиоведении, еще более усложнит эти методологические проблемы.

Однако если иметь в виду изучение взаимосвязи изменения отношения человека к смерти и эволюции религии, то можно отметить в терминах философии религии те области исследований, которые позволяют анализировать ответы на вопросы о смерти, воскресении, загробной жизни, бессмертии. Действительно, в самом общем плане, используя категориальные различия, устанавливаемые в философском анализе смысла отношения человека к смерти как на основе культурных традиций, так и на основе современных новаций, в методологии проведения социологических исследований по этой проблематике следует выяснять ряд раз-

личающихся смысловых граней отражения в индивидуальном и общественном сознании идей о смерти, воскресении, загробной жизни, бессмертии.

Проблема в том, что для интерпретации социологических исследований отношения к смерти в современной культуре необходима теоретическая «определенность» самого этого феномена как предмета исследования в его различных планах (аспектах). Так, в *гносеологическом* аспекте следует выявить такую грань смысла этого отношения: «я знаком с этими идеями, обладаю знанием о них». В *аксиологическом* аспекте смысл: «я ценю эти идеи, они положительно значимы для моей жизни». В *психологическом* аспекте смысл: «я переживаю, чувствую сопричастность этим идеям»; в *экзистенциальном* аспекте смысл: «я существую в абсолютном бытии, я сосуществую с абсолютным»; в онтологическом аспекте смысл: «я существую в вечности как бытию вне времени, и, согласно Боэцию и Ф. Аквинскому, я существую в вечности как «совершенном обладании сразу всей полнотой бесконечной жизни»» [2, с. 94]. Эта градация смыслов, если она не определена заранее в теоретическом ключе, не позволяет в *методологическом* плане найти возможность однозначной интерпретации эмпирических социологических знаний. И наоборот, различение этих смыслов становится теоретическим ориентиром проведения социологического исследования, дает более определенные результаты по проблеме отношения к смерти и религиозности современного человека. Иначе говоря, интерпретация данных социологии религии по проблемам «вера в бессмертие», «вера в загробную жизнь», «вера в воскресение» подлежит воспроизведению в категориях философии религии и реконструирует процессы в индивидуальном и общественном сознании по отмеченным выше аспектам исследования.

Таким образом, если резюмировать результаты изучения и осмысления изменения отношения современного человека к смерти с позиций философского, теологического и конкретно-научных подходов, то можно выделить следующее:

- на смену тотальному экзистенциальному смыслу смерти приходит определение значения смерти как одного из событий в мире наряду с другими природными и социальными событиями;
- от значимости воспитания отношения человека к собственной смерти происходит переход к исключению из процесса воспитания формирования отношения к смерти;
- от значимости общения по проблеме смерти происходит переход к оценке такого общения как неэтичного, неудобного в отношении человека, о смерти которого идет речь;
- происходит постепенный отказ от символических действий и общения с умирающим и переход к этическому, психологическому, медикаментозному и технологическому изолированию умирающего от осознания и переживания наступления смерти;
- происходит отход от символов и обрядов, связанных с прощанием, погребением умершего;
- идея бессмертия трансформируется в поиск научных и технологических средств неограниченного продления жизни, включая возможность обретения цифрового бессмертия.

В целом можно говорить об утрате культуры отношения современного человека к смерти и согласиться с исследователями, которые характеризуют происходящие в этой области как «разрушение культуры отношения человека к смерти» [11, с. 357].

Неготовность современного человека к смерти, когда он культурно, психологически, морально в течение жизни изолирован от понимания тотального смысла окончания собственного существования, породило хосписное движение. Хосписное движение отражает необходимость нормативно-институционального обеспечения достойного культурного ухода человека из жизни. Начиная с первого хосписа, созданного в Лондоне в 1967 году, это движение превратилось в неотъемлемый элемент культуры многих современных обществ, включая и российское. Несомненно, что процесс изменения отношения современного человека к смерти сущностно связан с общей мировой тенденцией роста самоубийств, с дискуссиями и социально-практическими решениями проблем смертной казни, эвтаназии, аборт, а также комплексом биоэтических проблем. Все это область особых исследований проблемы смерти.

Сравнение данных об изменении отношения современного человека к смерти, полученных не просто из разных источников, но и источников, которые выражают существенно различающиеся методологические позиции, используют несоизмеримые категориальные структуры объяснения мира и человека, – это сравнение позволяет высказать гипотезу об объективном процессе отрицания смысла смерти каждым современным человеком. Каждым не в порядке перечисления, а каждым как вовлеченным в этот процесс независимо от собственного рационального или ценностного признания смысла смерти. Философы, теологи, социоло-

ги, психологи, медики и кто бы то ни был еще включены как эмпирические индивиды в объективный процесс отрицания смерти, ее смысла и символики.

Отношение современного человека к смерти содержит антиномию, которая в пределе рационального выражения может быть выражена суждением: «Смерть неизбежна, но я существую вечно». В. М. Розин эту антиномичность характеризует так: «Хоть формально современный человек признает конечность своего бытия, фактически же он живет как бессмертное существо, не приготавливаясь к смерти и не желая о ней думать» [21, с. 26].

Вывод об объективном и вместе с тем всеобщем процессе отрицания смысла смерти означает, что методология исследований человека и духовной культуры включает рефлекссию исследователей относительно собственной вовлеченности в этот процесс.

Список литературы

1. Абдулагатов З. М. О некоторых вопросах роли философской методологии в социологических исследованиях состояния религиозности населения // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 3(41). С. 8–19.
2. Аквинский Ф. Сумма теологии. Киев : Эльга. Ника-Центр ; М. : Эликор-МК, 2002. 560 с.
3. Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс, 1992. 528 с.
4. Барт К. Очерк догматики. СПб. : Алетейя, 1997. 279 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 327 с.
7. Бульшман Р. Избранное: вера и понимание. Т. 1–2. М. : РОССПЭН, 2004. 752 с.
8. Грофф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. М. : Изд-во Трансперсонального института, 1996. 246 с.
9. Демичев А. В. Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию. СПб. : ИН АПРЕСС, 1997. 144 с.
10. Кильдеев М. В. Проблема достоверности эмпирических данных о религиозности населения в советской социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, серия: социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 103–110.
11. Кленина Е. А., Песков А. Е., Полякова В. Г. Разрушение культуры отношения к смерти в современную эпоху // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2–3 (26). С. 357–365.
12. Комаров С. В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности // Новые идеи в философии. 2022. Вып. 9 (30). С. 58–70.
13. Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 3 (15). С. 85–104.
14. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. М. : Школа «Языки русской культуры», 1984. 261 с.
15. Маритен Ж. Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии: переводы. М. : Прогресс, 1988. С. 229–261.
16. Ненашев М. И. «Умерев, они возвращаются...», или Критические заметки к монографии И. И. Евлампиева // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 4 (52). С. 169–181.
17. Ориген: против Цельса. М. : Учебно-информационный центр ак. Павла, 1996. 366 с.
18. Остапенко А. А. Воспитание утратой // Народное образование. 2019. № 4(1475). С. 198–202.
19. Писманик М. Г. Религия в культуре и в гражданском единении : монография. Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2019. 444 с.
20. Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 408 с.
21. Розин М. В. Каким образом в современной культуре можно помыслить смерть? // Культура и искусство. 2018. № 5. С. 25–33. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.5.26266.
22. Романов К. Н. Воспитание адекватного отношения к смерти // Интеграция образования. 2005. № 4 (41). С. 162–168.
23. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М. : Юрист, 1995. 479 с.
24. Слонов Н. Н. Интеизм: между теизмом и атеизмом // Философские науки. 2010. № 8. С. 47–64.
25. Тибетская книга мертвых / пер. с англ. О. Т. Тумановой. М. : ФАИР-ПРЕСС, Информпресс, 1999. 336 с.
26. Шинкова А. И., Комаров С. В. Цифровые вызовы и структура повседневного бытия // Новые идеи в философии. 2020. Вып. 7(28). С. 146–157.
27. Ямбург Е. А. Надо ли готовить детей к восприятию смерти? // Народное образование. 2019. № 1 (147). С. 192–201.

The Change in a Person's Attitude to Death as a Component of Modern Spiritual Culture

Komarov Sergey Vladimirovich¹, Porosenkov Sergey Vladimirovich²

¹Doctor of Philosophy, associate professor, dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, professor of the Department of Philosophy, Perm State National Research University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

²Doctor of Philosophy, associate professor, professor of the Department of Philosophy, Perm State National Research University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2331-8276. E-mail: svp53@mail.ru

Abstract. The formation of a person's attitude to death has always been an essential component of spiritual culture. The purpose of the article is to identify the features of a person's attitude to death in modern spiritual culture. Death as an anthropological problem is posed within the framework of philosophy, cultural studies, theology, psychology, medicine, and other fields of knowledge. Religious, moral, and aesthetic symbols of the interconnection of life and death have defined the rational expression of the teachings of religion and philosophy from their very foundation. Yet it is precisely from the Modern Age that a process of "excluding" death from human upbringing and communication has been taking place in spiritual culture, and its symbolism and traditional meanings are being lost. In philosophy, this is accompanied not merely by a change in the attitude to death, but by an assertion of its "indecent", and death becomes "isolated" from human life. In this connection, there arises an orientation toward scientific and technological means of the unlimited prolongation of life and toward digital immortality. Unlike philosophy, in religion the change in a person's attitude to death is connected not only with the individual self-determination of the person and his relation to his own finitude, but also with a rethinking of all religious myths. At the same time, the more clearly the existential meaning of personal immortality is explained, the more the symbolism of the religious tradition itself is lost (R. Bultmann). In the current situation, these changes in the attitude to death pose new epistemological and methodological problems for scholarly research, namely: the absence of a clear categorial language for describing and understanding death, together with the abolition of the old religious symbolism and philosophical understanding, leads to the phenomenon of death itself in modern culture turning out to be "indefinable" in both the sociological and the epistemological senses. And this gives rise to complex methodological problems.

Keywords: man, death, spiritual culture, symbol, meaning, religion, education, methodological problems.

References

1. Abdulagatov Z. M. *O nekotorykh voprosakh roli filosofskoy metodologii v sociologicheskikh issledovaniyakh sostoyaniya religioznosti naseleniya* [On Certain Questions of the Role of Philosophical Methodology in Sociological Studies of the State of Religiosity of the Population] // *Islamovedenie – Islamic Studies*. 2019. Vol. 10, No. 3 (41). Pp. 8–19. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-8-19.
2. Akvinskij F. *Summa teologii* [Summa Theologica]. Kiev, El'ga, Nika-Centr ; M., Elikor-MK, 2002. 560 p.
3. Aries E. *Chelovek pered licom smerti* [The Hour of Our Death]. M., Progress, 1992. 528 p.
4. Bart K. *Oчерк dogmatiki* [An Outline of Dogmatics]. SPb., Aleteiya, 1997. 279 p.
5. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M., Hudozhestvennaya literatura (Belles-Lettres), 1990. 541 p.
6. Bodriyar Zh. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. M., Dobrosvet, 2000. 327 p.
7. Bul'tman R. *Izbrannoe: vera i ponimanie* [Selected Works: Faith and Understanding]. vols. 1–2. M., ROSSPEN, 2004. 752 p.
8. Groff S., Helifaks Dzh. *Chelovek pered licom smerti* [The Human Encounter with Death]. M., Izd-vo Transpersonal'nogo instituta, 1996. 246 p.
9. Demichev A. V. *Diskursy smerti. Vvedenie v filosofskuyu tanatologiyu* [Discourses of Death. An Introduction to Philosophical Thanatology]. SPb., IN APRESS, 1997. 144 p.
10. Kil'deev M. V. *Problema dostovernosti empiricheskikh dannykh o religioznosti naseleniya v sovetskoj sociologii* [The Problem of the Reliability of Empirical Data on the Religiosity of the Population in Soviet Sociology] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, seriya: social'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021. No. 2 (62). Pp. 103–110. DOI: 10.52452/18115942_2021_2_103.
11. Klenina E. A., Peskov A. E., Polyakova V. G. *Razrushenie kul'tury otnosheniya k smerti v sovremennuyu epokhu* [The Destruction of the Culture of Attitudes Toward Death in the Modern Era] // *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem – Modern Studies of Social Problems*. 2016. No. 2–3 (26). Pp. 357–365.
12. Komarov S. V. *Vopros o sub'ekte: ot refleksivnosti k singulyarnosti* [The Question of the Subject: From Reflexivity to Singularity] // *Novye idei v filosofii – New Ideas in Philosophy*. 2022. Is. 9 (30). Pp. 58–70. DOI: 10.17072/2076-0590/2022-9-58-70.

13. Lebedev S. D. *Virtualizaciya religioznogo soobshchestva kak klyuch k ponimaniyu evolyucii sociologicheskikh koncepcij religioznosti* [The Virtualization of the Religious Community as a Key to Understanding the Evolution of Sociological Concepts of Religiosity] // *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* – Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2020. Vol. 4, No. 3 (15). Pp. 85–104. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104.
14. Mamardashvili M. K., Pyatigorskij A. M. *Simvol i soznanie* [Symbol and Consciousness]. M., Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1984. 261 p.
15. Mariten Zh. *Kratkij ocherk o sushchestvovanii i sushchestvuyushchem* [A Brief Essay on Existence and the Existent] // *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: perevody* [The Problem of Man in Western Philosophy: Translations]. M., Progress, 1988. Pp. 229–261.
16. Nenashev M. I. "Umerev, oni vozvrashchayutsya...", ili Kriticheskie zametki k monografii I. I. Evlampieva ["Having Died, They Return...", or Critical Remarks on the Monograph by I. I. Evlampiev] // *Solov'evskie issledovaniya* – Solovyov Studies. 2016. Is. 4 (52). Pp. 169–181.
17. Origen: protiv Cel'sa [Origen: Against Celsus]. M., Uchebno-informacionnyj centr ap. Pavla, 1996. 366 p.
18. Ostapenko A. A. *Vospitanie utraty* [Upbringing Through Loss] // *Narodnoe obrazovanie* – National Education. 2019. No. 4 (1475). Pp. 198–202.
19. Pismanik M. G. *Religiya v kul'ture i v grazhdanskom edinenii: monografiya* [Religion in Culture and in Civic Unity: A Monograph]. Perm', Perm. gos. in-t kul'tury, 2019. 444 p.
20. Porosenkov S. V. *Sushchestvovanie i deyatelnost' v opredelenii cennostnogo otnosheniya* [Existence and Activity in the Determination of the Value Relation]. Perm', Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2002. 408 p.
21. Rozin M. V. *Kakim obrazom v sovremennoj kul'ture mozžno pomyslit' smert'?* [How Can Death Be Conceived in Modern Culture?] // *Kul'tura i iskusstvo* – Culture and Art. 2018. No. 5. Pp. 25–33. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.5.26266.
22. Romanov K. N. *Vospitanie adekvatnogo otnosheniya k smerti* [Fostering an Adequate Attitude Toward Death] // *Integraciya obrazovaniya* – Integration of Education. 2005. No. 4 (41). Pp. 162–168.
23. Tillih P. *Izbrannoe. Teologiya kul'tury* [Selected Works. The Theology of Culture]. M., Yurist (Jurist), 1995. 479 p.
24. Slonov N. N. *Inteizm: mezhdru teizmom i ateizmom* [Inteism: Between Theism and Atheism] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2010. No. 8. Pp. 47–64.
25. *Tibetskaya kniga mertvykh* [The Tibetan Book of the Dead] / transl. from English by O. T. Tumanova. M., FAIR-PRESS, Informpress, 1999. 336 p.
26. Shinkova A. I., Komarov S. V. *Cifrovye vyzovy i struktura povsednevnogo bytiya* [Digital Challenges and the Structure of Everyday Being] // *Novye idei v filosofii* – New Ideas in Philosophy. 2020. Is. 7 (28). Pp. 146–157.
27. Yamburg E. A. *Nado li gotovit' detej k vospriyatiyu smerti?* [Should Children Be Prepared for the Perception of Death?] // *Narodnoe obrazovanie* – Public Education. 2019. No. 1 (147). Pp. 192–201.

Поступила в редакцию: 27.03.2025

Принята к публикации: 01.10.2025